

КРОКОДИЛ

№ 6 (1692) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 28 ФЕВРАЛЯ 1963

—Умоляем, ну что тебе стоит, изживи
недостатки, не позорь коллектив!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Восьмое марта, как всегда,
сегодня означало
приход такого дня,
когда
весна берет начало.

Мы дарим теплые слова
Жене, подруге, маме.
Мы дали женщинам права.
(А кое-где идет молва:
они их взяли сами!)

Однажды я пришел домой,
хоть стой, хоть на пол рухни,
жена сказала:
— Милый мой!
Купи комбайн для кухни!

Не скрою я семейных тайн:
хоть он немало стоил,
купил я кухонный комбайн
и технику освоил.

Зачем же я тогда к жене
отнесся без доверья?
Теперь обед висит на мне,
варю его теперь я.
На это даже не ропщу,
втянулся понемножку:
сам режу овощи к борщу,
сам чищу я картошку.

Потом стиральный агрегат
(ты рук, жена, не пачкай!)
купил и сам уже не рад:
я стал электропрачкой.

А пылесос
(опять мотор!)
с электрополотером?
Сам выношу из дома сор
и сам кручусь мотором.

Еще придумаю агрегат
для вязки и для штопки...
Я жду,
когда ж перегорят
у нас электропробки!

Монтеру я б сказал:
— Браток!
Повремени немножко!
Пусть отдохнет электроток
от стирки и картошки!

Жена на помощь пусть придет,
а я понежусь в ванне
или с ее «Журналом мод»
прилягу на диване.

Я много прав ей дал, друзья,
а сам толкусь, как в ступке.
Надела брюки,
но ведь я
не щеголяю в юбке!

Хоть это вовсе не секрет,
скажу вам по секрету:
есть в нашем доме женсовет,
а мужсовета нету!

И я боюсь не без причин,
что, видимо, придется
за равноправие мужчин
отныне нам бороться.

Зато сегодня мы кутнем!
Я счастья вам желаю
и поздравляю с женским днем
мужчин-домохозяев!

Есть еще у нас нечестные руководители колхозов, которые после избрания на высокий пост начинают свою деятельность с возведения персональных особнячков.

(Из письма в редакцию)

УЛИЦА

Сем. НАРИНЬЯНИ

РАССКАЗ

ТУФЛИ

Утром, когда до начала работы оставался всего час, Ольге Ивановне стало плохо.

— Минуточку, — сказала она мужу и, чтобы не упасть, схватилась за косяк двери.

Муж Василий Васильевич подхватил жену, посадил ее на стул. Мужу было и жаль жену и досадно. У женщины серьезный недуг, ей прописан строгий режим, а она, словно девочка-подросток, как только увлечется чем-нибудь, так сразу забывает о больном сердце. Вот вчера жена легла спать в одиннадцать вечера, а через час, в двенадцать, вскочила с постели и просидела за чертежной доской до четырех утра. Видите ли, ей хорошая мысль пришла в голову. Правильно, мысль хорошая. Дом, который проектирует Ольга Ивановна для Черемушек, получается занятным. И тем не менее Василию Васильевичу непонятно, почему хорошие мысли должны приходить в голову его жене не днем, в часы, отведенные для работы, а посреди ночи.

Сам Василий Васильевич любит порядок, размеренность. Когда Василию Васильевичу встречаются люди неорганизованные, неаккуратные, которые живут и работают по настроению, он обычно говорит:

— Нет, бог миловал. Я не из их шайки.

А Ольга Ивановна, к сожалению, была из «их». У нее сердечный приступ, а она роется в сумочке, шарит по карманам халата, ищет лекарство.

— Господи, куда же я сунула его?

Ольга Ивановна чувствует недомогание второй год, поэтому Василий Васильевич знает, как вести себя во время приступа болезни. Он делает сначала все, что требуется правилами первой помощи. Дает лекарство, открывает окно, звонит в «неотложку». Потом начинает делать то, чего не требуют правила. Гладит жену руку, целует.

В парадном раздается звонок. Приходит доктор.

Милая, приветливая женщина. Она щупает больной пульс и сразу устремляется на кухню кипятить шприц. Больной нужно делать укол, а у доктора нет стерильного инструмента. Доктор уже не кажется Василию Васильевичу милой, приветливой. «И эта из той же шайки», — мрачно думает он и кричит на кухню:

— Доктор, больной плохо! Подойдите.

А доктор все еще роется в своем чемоданчике, ищет спички.

— Господи, куда же я сунула коробок?

Василий Васильевич зажигает газ, начинает кипятить шприц, а доктор бежит к больной, прикладывает к ее груди трубку.

— Дышите! Не дышите!

Доктор слушает биение больного сердца, закрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Но вот глаза доктора открываются, и доктор видит на ногах больной туфли. Светло-бежевого цвета. На тонком высоком каблучке, с тонким длинным носом. И, хотя доктор продолжает выслушивать больную, говорить ей те же слова: «Дышите! Не дышите!», — думает теперь доктор уже не о больной, а о ее туфлях.

— Везет же людям!

Больная перестает дышать, спрашивает:

— Вы о чем, доктор? О моем сердце?

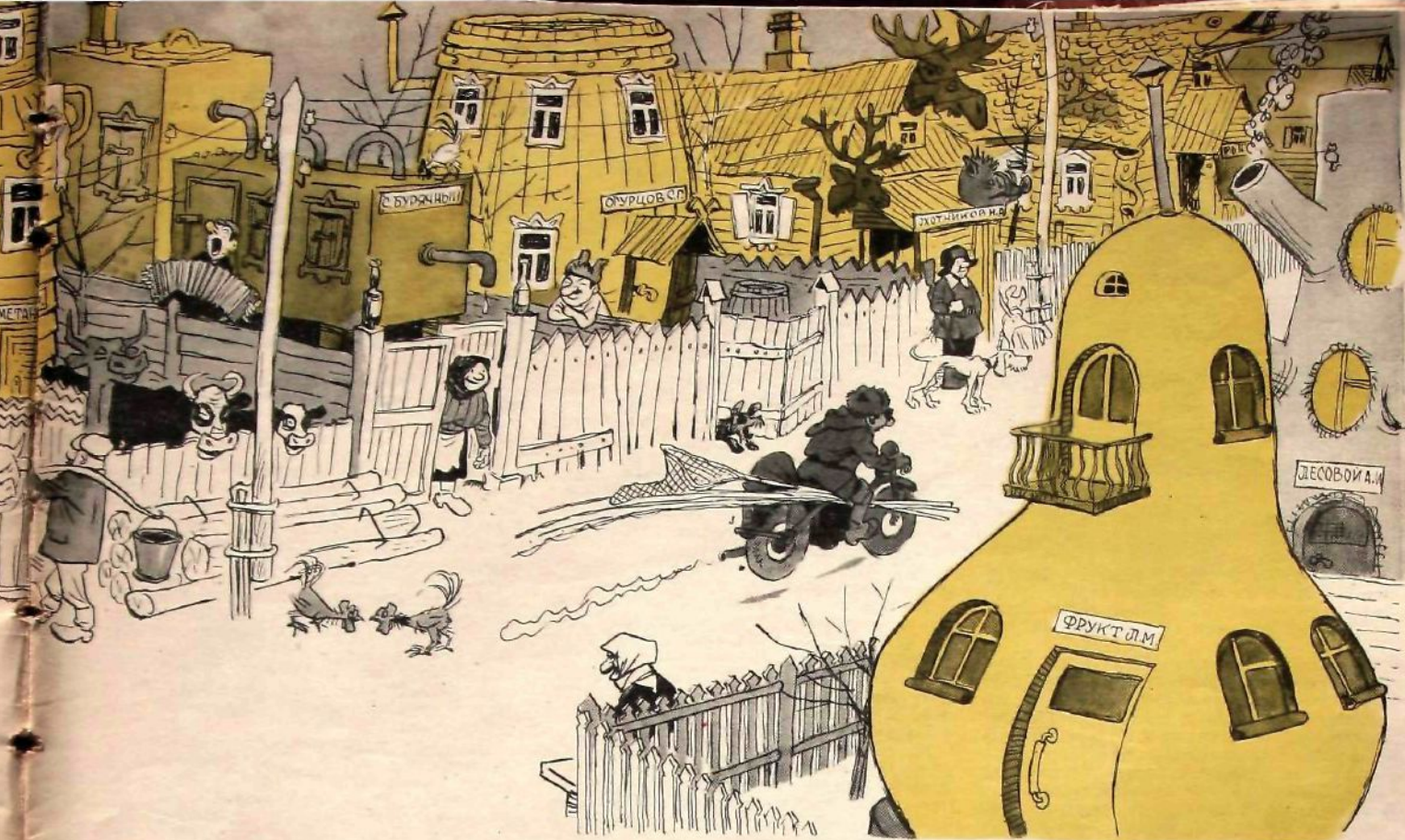
— Нет, о туфлях. Какие они миленькие!

Тут доктор вспоминает, куда и зачем она пришла, и ей становится неловко.

— Простите, ради бога! — говорит она больной. — Это я не нарочно. У меня сорвалось с языка. Как, прощаете?

— Да, — говорит больная и слабо улыбается.

И хотя сердце у Ольги Ивановны ноет по-прежнему, ей, однако, приятно, что доктору понравились ее новые туфли. Муж их даже не

А БЫВШИХ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

заметил, а вот посторонний человек, доктор, одобрил ее вкус.

Между тем посторонний человек продолжает вслушиваться больную. И снова закрывает глаза, чтобы сосредоточить свое внимание только на больном сердце, но сосредоточиться доктору уже не удается. Доктор думает и о сердце больной и о ее новых туфлях одновременно.

- Это у вас давно? — спрашивает доктор.
- Что, туфли?
- Нет, стенокардия.
- Полтора года.
- Небось, и ноге удобно?
- Очень.
- Откройте рот.

Больная открывает рот. Доктор смотрит на язык, спрашивает:

- Сколько заплатили?
- Двадцать пять.
- Всего? — говорит доктор и начинает прощупывать у больной живот.

Лицо доктора сосредоточенно. Доктор хочет что-то сказать и не решается. Больная настаивает: «Неужели доктор обнаружил новый недуг?»

Больная пробует прочесть ответ на лице доктора, а оно словно каменное.

— У меня что-нибудь серьезное? Да вы говорите, не бойтесь, — шепчет Ольга Ивановна, и лоб ее покрывается холодным потом.

Доктор набирается сил и тоже почему-то шепотом спрашивает:

- А можно? Вы разрешите?
- Что?
- Примерить ваши туфли!
- «Уф!» — облегченно вздыхает больная и сбрасывает с правой ноги туфлю на пол.

Доктор тотчас перестает мять печень, надевает туфлю и идет от постели до двери. Потом обратно. И снова до двери.

В дверь просовывается голова Василия Васильевича.

— Шприц уже прокипятился. Доктор говорит «спасибо» и бежит на кухню: одна нога на каблучке, вторая в чулке.

— Что это с ней? — спрашивает Василий Васильевич.

— Ничего, — отвечает жена. — Доктору захотелось примерить мои туфли.

— Доктор что, сумасшедшая?

В это время доктор, простучав каблучком по кафельному полу кухни, влетает в комнату, вытаскивает из чемоданчика какую-то ампулу, легко, двумя пальчиками отламывает головку, наполняет шприц лекарством. И все это проделывает, носясь по комнате в одной туфле. Сторонник порядка и размеренности смотрит, удивляется, а потом, махнув рукой, выходит на кухню, дабы не поругаться.

А доктор, сделав укол, прячет шприц и спрашивает больную:

- Ну, как?
- Хорошо.
- А мне не очень.
- Почему?
- Обидно. Не то я вчера купила, — говорит доктор и, сняв чужую туфлю, надевает свою.

Больная бросает взгляд на ногу доктора и замечает. Как не «то»? Это было именно «то»! Те

самые туфли с усеченным носом, которые Ольга Ивановна две недели искала в магазинах, не могла найти и купила взамен остроносые. А доктор нашла усеченные. И цвет у усеченных тот, о котором мечталось. Горчичный. От обиды Ольга Ивановна даже застонала. Доктор подбегает, спрашивает:

- Что с вами?
- А вы не будете смеяться?
- Нет!
- Разрешите померить вашу туфлю?

Доктор снимает туфлю, Ольга Ивановна надевает ее. Доктор подхватывает больную под руку и осторожно ведет ее от постели до двери. Обратно. И снова до двери. И больная идет. Одна нога в туфле с усеченным носом, другая в чулке, и на лице больной и на лице доктора сияет неподдельное счастье.

А в дверях стоит Василий Васильевич и с удивлением смотрит на женщин. Муж думал, уходя на кухню, что он оставил в комнате одну сумасшедшую, а их, оказывается, две.

— Что вы делаете?

— Меняемся туфлями.

Две женщины как ни в чем не бывало садятся друг против друга. Доктор надевает туфли светло-бежевого цвета, больная — горчичного. Затем женщины делают еще один круг по комнате, мило прощаются и расходятся в разные стороны. Доктор, хлопнув парадной дверью, бежит на следующий вызов, больная подходит к мужу.

— Не сердись. У меня уже ничего не болит. Мне легче.

Муж берет руку жены, нащупывает пульс. Сердце и в самом деле бьется ровно, без перебоев. Что же оказалось на него такое молниеносное целебное действие? Неужели туфли цвета горчицы? Василий Васильевич смотрит в счастливые, смеющиеся глаза жены и разводит руками.

— Ничего не понимаю. Был бы ты женщиной, ты бы понял, — говорит Ольга Ивановна и, свернув трубкой проект нового дома в Черемушках, спешит к метро. Времени до начала работы остается у нее в обрез. Только-только добежать до табельной доски.

Малаховка—Удельная, далее везде

НАУЧИТЕ МЕНЯ ЖИТЬ

— Я к вам по делу необычайного свойства.— Посетитель вывернул шапку наизнанку и вытер вспотевшее от волнения лицо.— Научите меня жить!

— Простите. Вы, кажется, не по адресу...

— Не отказывайте. Я, видите ли, инженер. И к тому же женат. И каждый день жена танет из меня жилы: «Ты не Илья Александрович, ты не умеешь жить. Получаешь вдвое больше, а где у тебя дача, где у тебя машина? Нет, не умеешь ты жить!» Илья Александрович — замечу в скобках — получает 80 целковых в месяц. Так вот объясните: в чем умение жить?

ДИЕТА И КОЛЬЧУГА

Бразумительного ответа у нас не нашлось. Пришлось обратиться к изучению опыта Ильи Александровича Мнасины, скромного завхоза Малаховского поселкового потребительского общества, оно же ПОСПО.

По отзывам современников, Илья Александрович — человек дьявольски бережливый. Спичек лишний раз не купит, а все норовит прикурить у прохожего. По слухам, экономия на спичках и позволила ему сколотить первоначальный капитал — 50 тысяч в старых рублях — на покупку дачи. Однако дача не соответствовала вкусам завхоза. Он взял счета, пощелкал кошечками и... бросил курить. Экономический эффект превзошел самые смелые ожидания и позволил вложить в переустройство дачи еще 80 тысяч старой монеты.

Семья у Ильи Александровича невелика — сам-третий, а дача получилась велика и обширна. Настолько обширна, что пришло время учредить в ней студенческое общежитие. Учредил.

Студент, он хотя и задирист, но мороза боится. Платит с неудовольствием, но платит. Это и позволило расторопному завхозу сэкономить средства, тратившиеся ранее на сезонку, — Илья Александрович обзавелся «Победой». В общем, экономия — фундамент жизни.

Этой жизнеутверждающей формулой мы и одарили нашего унылого посетителя при повторном свидании. Инженер, однако, не спешил записать изречение в записную книжку. Он беззвучно зашевелил губами, прикидывая что-то на пальцах. Три пальца упорно складывались в популярную комбинацию.

— Пятнадцать лет, — выдавил он из себя наконец.

— Кому пятнадцать?

— Илье Александровичу. Пятнадцать лет абсолютной диеты — не пить, не есть, не курить, дабы скопить на дачу и машину при его окладе жалованья. И еще: пятнадцать лет он должен носить одну и ту же одежду. То есть предположительно кольчугу из нержавеющей стали.

Вопрос об умении жить повис в воздухе.

ПЯТЫЙ ДОМ ЗА УГЛОМ

Движимые любопытством и электричкой, мы в тот же вечер прибыли в Малаховку. Мутным желтым просвечивала луна. По изобитному собаками снегу мы двинулись на поиски владений Ильи Александровича. И великопленно заблудились, стиснутые двумя мрачными шеренгами заборов. Снаружи опознавательных знаков не было, а за заборами неприятно лязгали собачьи цепи.

Надо было искать живого человека для справки. И нам повезло. В одном из заборов раздвинулись бронированные створки, и на улицу выскочил заспанный дедушка с трофейной канистрой. Мы к нему:

— Где проживает Мнасин? Мнасин Илья Александрович?

— Мы народ по фамилиям не знаем, — сказал дедушка. — Дача-то у него какая из себя будет?

Мы приблизительно обрисовали, добавив в качестве лишней «приметы» Ильи Александровича наличие машины.

— Пятый дом за углом, — не очень уверенно сказал дед.

Вот она, искомая вилла! Вернее, даже не вилла, а некая архитектурная симфония. Во дворе гараж. А из гаража высунулась по самую дверцу... «Волга».

Выходит, несовпадение? Все же постучались. Из-за гаража, раскинув пасть капканом, выскочил пудовый кобель и с лютой страстью припал к воротам...

Мы ошиблись адресом. Владельцем архитектурной симфонии, «Волги» и пудового кобеля был П. М. Докудовский, рядовой труженик кухни при столовой № 26. Оклад жалованья — 50 целковых. К тому же он единственный и неделимый кормилец семьи! Не иначе как выведаль Докудовский у Ильи Александровича про тайну жития. И не только выведаль, а и разболтал ее по окрестностям. В поисках источников тайны мы набрали на грандиозное, как манеж, палатко заведующего лесоторговым складом Красковского ПОСПО Верника. При даче, разумеется, был гараж. А в гараже, естественно, «Победа». Затем обзорели чудо-особняк многодетного пенсионера Бреева И. Г.

Для сравнения решили прозондировать почву на станции Удельная. Прозондировали и убедились, что десятилетия дачи воздвигают здесь не только великие полководцы, ваятели или кандидаты на Нобелевскую премию, но кое-кто еще... Например, скромный мастер колбасного цеха Орданский З. М., малосклонная к ваянию продавецница ларька Анна Школьников и не замеченный в сочинительстве романов и сарг заведующий мастерской по ремонту обуви Мельников С. И.

В голову полезли размышления грустные и едкие. И потому, вернувшись в редакцию, мы вызвали инженера-страдальца и сказали:

— Нет, не учитесь жить. И тогда жене не придется носить вам передачи.

ПОЧЕМ МЕТР ПОЛУ

Да ведь бывает, что, и не «умея жить», сколотил человек капиталец. Лояльный капиталец. И, глядишь, вбухал его в дачу.

Но может случиться следующее. Выстроит товарищ дачу и затоскует. Дача вот есть, а капиталу уже нету.

И начинает товарищ выколачивать из дачи рубли обратно.

Вот жил-был, к примеру, в Москве бывший офицер С. Пищерилов.

Задумался Пищерилов над смыслом цифры «110». И вдруг вспомнил: это же площадь его дачи в Лукине! Добротные такие метры, квадратные! А разделишь на 10 — получишь число одинаковых кусочков, комнат как бы. Если напустить в комнаты дачников, да установить плату, да умножить все это, да сложить, то... В результате за несколько лет — 12 тысяч чистой прибыли в новом рублеисчислении.

Учитель истории К. Мурзин (счастливый обладатель государственной квартиры)

предпочитает пускать на личную дачу в поселке Солнцево не каких-нибудь разгильдяев-частников, а представителей передового класса — рабочих станции Москва — Киевская-товарная. А москвичу Н. Никитину непременно подавай для аренды в его целковские апартаменты какое-нибудь учреждение. Солиднее, спокойнее и деньги платят регулярно.

К ВОПРОСУ О ДИАДЕМАХ

Росли рубли на квадратных метрах. Аккуратно росли. Спокойно росли. И спящие хозяева прибыльных домов можно было совсем безмятежно, с открытой форточкой, на любом боку.

И вот пришло 26 июля 1962 года. Вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР по поводу ликвидации дачных злоупотреблений. «Умелыцы жить» мелко засуетились и со страху принялись чудовищно врать. О, как они жалели, что при устройстве на работу заносчиво писали в анкетах: внук безлошадного крестьянина, сын потомственного стачечника-пролетария. Ну как теперь ответить на нехороший вопрос: «Откуда денжатки?» Приходится врать: дескать, переплачивая вручную оканьянный суглинок, мой безлошадный дед зацепил сохой бриллиантовую диадему. Он зацепил, а я унаследовал.

Важно не проворонить момент. Почуял товарищ, что его дачей интересуются, и... бегом в исполком. И с порога — заявление. «Где тут у вас детишки? Дачку я им подобрал. Вот такой ширины, вот такой вышины! Моя дачка. От меня. Безвозмездно. Принципиально».

Один даже в Крокодил прибежал. Прибежал уже знакомый читателю товарищ Мельников, заведующий мастерской по ремонту обуви.

Как он разведаль, что редакция интересуется его дачей, ему непостижимо. Товарищ Мельников тоже захотел без проволок подарить дачу детворе.

— Билет жалко, — сказал он. — Партийный билет. Возил для дачи кирпичики по благу — выговор влепили. Построил — отнял билет. Как бы теперь еще чего не вышло.

Житель поселка Одинцово народный судья Никаноров в исполком пришел также с думами о партбилете.

— С частной собственностью, — устало сказал он, — я лично давно уже мечтаю покончить. Раз и навсегда.

— Ну да, — догадались в исполкоме. — У вас худо-бедно, а три дома имеется. Непорочным дошкольникам передать, конечно, желаете.

— И совсем нет, — сказал судья. — Супруге я желаю передать...

При проверке сомнительных недвижимостей задумано брать курс на общественность. Это хорошо, но...

КОМУ С КЕМ ВОЗИТЬСЯ

Курс берут, но не очень уверенно. Сначала ведет проверку... милиция. Долго ведет, трудная проверка. Потом передает дело в комиссию. Комиссия снова проверяет. Долго проверяет: трудная же проверка! Потом иногда дело отсылают обратно в милицию (так поступает, например, исполком Люберецкого райсовета, Московской области): проверка, мол, неполная, работайте снова. Милиция перепроверяет и отдает в комиссию. Тянутся месяцы, исчезают всякие нужные детали и доказательства.

А тот ли курс берут?

Зачем возиться с нечестным домовладельцем? Ведь сказано же в Указе: пусть домовладелец-жулик сам приходит и возится с комиссией, доказывает свою первоначальную чистоту. Это легче и быстрее.

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
Е. МАТВЕЕВ

ПРАЗДНИК ЖЕНЩИН В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

Рисунки
Г. АНДРИАНОВА
и М. БИТНОГО

— Придется сегодня идти на работу
в неглаженной шкуре...

— Так! Тщательно вымыть, нарезать
на мелкие куски и варить 15 минут...

— Кто последний с подарками?

— Клянусь, через какие-нибудь две
тысячи лет этой вазе цены не будет!

— Сегодня я вам уступаю место!

— Несчастный дал обет не возвращаться без мимозы...

Дело о копейке

Нет, нет, друзья, не нужно кривить губы в иронической усмешке: «Какое там еще дело о копейке? Подумаешь — копейка!»

Копейка не шутка. Без копейки и рубля нет. Вдуматься, так ведь и весь огромный государственный бюджет состоит из копеек. Только их очень много — сотни миллиардов. А все равно, каждая на счету. И если в Министерстве финансов при подсчете годового баланса вдруг не досчитаются одной копейки, то уже баланс будет дефектный. Пережить можно, но наиглавнейшему бухгалтеру большая неприятность. И будет ночью супруга его спрашивать в тревоге: «Что это ты, Петр Иванович, все ворочаешься, не спишь?» А он ей: «Какой тут сон, когда копейки у нас не найдут! Все миллиарды и миллионы сошлись тутелька в тутельку, а ее, проклятой, не хватает. И куда она запропастилась?!»

Итак, дело о копейке.

В субботний вечер москвичка инженер-картограф Галина Алексеевна Козлова задержалась в отделе дольше обычного: много накопилось работы, а она не любила незавершенных дел. Часы показывали половину восьмого, когда, надев пальто и шапочку, Галина Алексеевна спустилась к выходу. Перед тем, как отворить тяжелую дверь, она сняла рукавичку и приготовила деньги на проезд — монету в две копейки и три маленькие копейки. Она зажала их в рукавичке, чтобы не возиться в автобусе, не раскрывать сумку.

На улице она с наслаждением вдохнула свежий морозный воздух. Так приятно было после долгого пребывания в рабочей комнате идти легкой походкой мимо запылен-

ных снегом деревьев и слушать, как поскрипывает снег под ногами! И приятно было, что завтра — выходной день и можно еще разок прикинуть, как провести его получше. Может быть, за город на лыжах... А вечером — в театр. А может быть, по-другому... Так, с ощущением чего-то радостного и хорошего, что ожидает ее, Галина Алексеевна подошла к остановке. 81-й автобус подкатил тут же. Она вошла, вынула из рукавички деньги и опустила в кассу. Четыре раза звякнули монетки. Галина Алексеевна оторвала билет и, засунув его в ту же рукавичку, собралась сесть на свободное место. Но ее остановил резкий оклик:

— Гражданка, вы почему же это четыре копейки бросили?

К ней подошли две женщины.

— Платите штраф!

— Какой штраф? — опешила Галина Алексеевна. — За что?

— Известно какой. Полтора рубля. За то, что копейку недобросили. — Что вы! Я опустила пять копеек. Вам показалось...

— Нам никогда не кажется. Платите полтора рубля и все!

— Я вам честное слово даю, что опустила пять копеек. У меня специально отложены были...

— Ну да, это все честных слов надают заместо денег, а государству убыток.

Женщина-контролер произнесла эти слова таким тоном, будто она, и только она, представляет государство на территории автобуса № 81.

— Чего вы от нее хотите? — возмущенно сказала женщина, сидевшая возле кассы. — Вот я брошу копейку, и оставьте ее в покое.

И она опустила монету в щель.

— Зачем вы это сделали? — спросила Галина Алексеевна. — У меня есть еще копейки. Вот, пожалуйста, возьмите. — Она вынула кошелек, где лежало несколько монеток, и отдала женщине копейку. — Я хочу, чтобы мне поверили, понимаете, поверили. Ведь я же честное слово дала...

— Хватит разговоров! — сказала контролер. — Не хотите платить — идите в отделение.

Пассажиры зашумели, заволновались, но у контролера был отличный поставленный голос, и шум толпы не мог заглушить его.

Галина Алексеевна в сопровождении двух охранявших ее на случай побега женщин шла по проспекту Мира. Она была уже не просто инженер Козлова, она была «задержанная» и препровождалась в милицию. Это не было таким скорбным зрелищем, как нарисовал Лев Николаевич Толстой в «Воскресении», когда Катюшу Маслову ведут в суд. Не было конвоиров с шашками, шли они не по булыжной мостовой, а по тротуару, но все же было обидно и оскорбительно. Так прошли они переулком на 2-ю Мещанскую, где помещалось 19-е отделение.

Милиция — учреждение серьезное. Дежурный — первый человек, который регистрирует все чрезвычайные происшествия во вверенном ему участке. Контингент его посетителей, как правило, не являет собою лучшую часть человечества. Контингент известный: либо хулиган-дебошир, либо разбушевавшийся алкоголик, либо воришка, задержанный в троллейбусе. Разговор с ними нужен

строгий. По печальному опыту дежурный знает, что раз привели в отделение, значит, не зря.

— Ваши документы? — сказал капитан Казаков, как только контролеры ввели Козлову.

— Я хочу вам объяснить...

— Объясните потом. Сначала отвечайте на вопросы. — Он начал заполнять протокол.

Анкета была длинная, подробно перечисляющая все: пол, и возраст, и семейное положение...

Закончив опрос, дежурный приступил к выяснению обстоятельств дела. Галина Алексеевна снова продемонстрировала, как спрятала деньги в рукавичку и как извлекла их оттуда. Снова объяснила дежурному, что у нее нет никаких оснований обманывать государство, что она получает хороший оклад, что она правдивый человек и ее честному слову можно верить. Контролеры перебавляли ее рассказ оскорбительными репликами. Она не выдержала и расплакалась. Дежурный вздохнул и сказал:

— Ввиду вашего чистосердечного признания можете идти.

— Какого признания? Мне не в чем признаваться. Я просто объяснила вам, как было дело. Эти женщины грубо обошлись со мной, я бы пожаловалась на них, но не знаю их фамилий.

— Ладно, иди, пока протокол не составил! — прервала ее контролер. — Жаловаться еще... Скажи спасибо, что штраф не взяли. Иди, иди!

Дежурный молча указал ей на дверь.

Козлова вышла и тем же переулком снова зашагала на проспект Мира. Ветки на деревьях обвисли. Снег был грязный. Тусклые фонари отбрасывали неясный свет. В горле стоял ком, и она едва сдерживалась, чтобы снова не расплакаться.

Весь воскресный день Галина Алексеевна провела дома. Ей не хотелось ни кататься на лыжах, ни идти в театр. Ей казалось, что она все еще слышит пронзительный голос:

«Все честных слов надают, а государству убыток!», «Иди, иди, пока не оштрафовали!»

И это было невероятно оскорбительно и больно.

Мы предвидим, что некоторые читатели скажут:

— Что случилось? Ведь штрафа с нее не взяли. Подумаешь, нежная какая! Уж и в милицию нельзя ее сводить! Если бы ее заборными словами обругали, или ударили, или в лицо, например, плюнули, так на это есть статья в уголовном кодексе — «оскорбление личности». А то ведь ничего особенного не было.

Было особенное. В лицо, конечно, никто не плевал. Но человека оскорбили. Унизили достоинство женщины. А это, быть может, гораздо больнее. И сделали это тоже женщины: контролеры Блохина и Журавлева. Конечно, копейка — это ценность, и ее нужно беречь. Но разве честное слово человека ничего не стоит? Разве человеческое достоинство не нужно беречь?

Очень нужно!

Потому что человеческое достоинство бесценно.

И в сравнении с ним казенной «бдительности» грош цена.

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

— Скажите откровенно, доктор: доживу я до конца анкеты?

Рисунок Бориса ЛЕО

Бор. Ю ДИН

БЕЗ ШАМПАНСКОГО

Крах переговоров об «Общем рынке» так рассердил многих консерваторов — членов парламента, что один из них, чтобы продемонстрировать свое возмущение президентом де Голлем, решил даже отказаться от французского шампанского. Этот мстительный джентльмен сам поведал мне о своих планах.

Я могу лишь догадываться о том, что собирается пить вместо шампанского мой друг-консерватор. Он попал в затруднительное положение. Он может сделать выбор между водкой и кока-колой. Но поскольку водка — это национальный напиток коммунистической России, он не может по идеологическим причинам перейти на «Столичную», а его восхищение Соединенными Штатами не распространяется, однако, на кока-колу.

Возможно, что ему придется перейти на пиво или шотландское виски и отказаться от любых спиртных напитков, производимых в иностранном государстве. Он может повторять припев песенки, которую распевали в Англии во время наполеоновских войн: «От говядины и пива пользы больше, чем от вина и жареных лягушек».

Когда я начал расспрашивать моего друга-консерватора, чем его так прогневали французы, он объяснил, что вложил немало денег в акции химических компаний и уповал на повышение их курса, если Англия вступит в «Общий рынок».

— Успокойтесь, — сказал я, — есть и другие страны, которые хотят покупать химикалии. Возможно, что в конце концов вы ничего не потеряете.

— Речь идет не только о моих химических акциях. Сейчас все американские планы создания объединенной Европы рухнули. Я начинаю задумываться о том, что теперь произойдет с моими акциями военных предприятий.

— Неужели вы не знаете, что английское правительство собирается выстроить полдюжины подводных лодок с «Поларисами» стоимостью в сорок пять миллионов фунтов стерлингов каждая?

— Ха, правительство! — усмехнулся мой собеседник. — Правительство Макмиллана может пасть в любой момент. А что произойдет с моими акциями после следующих всеобщих выборов?

Я не пытался ответить на этот вопрос, но постарался изобразить полное сочувствие.

— Почему бы вам не эмигрировать?

— Куда?

— Ну, например, в США, где вы могли бы открыть фирму.

— Сомнительно, сомнительно... Там дела, очевидно, обстоят неважно, если пять миллионов человек не имеют работы.

Я решил, что настало время переменить тему разговора.

— Куда вы отправитесь на праздники?

— На юг Франции.

— Но ведь вы непоследовательны, — отваяжился я заметить. — Если вы собираетесь назло де Голлю бросить пить французское шампанское, вам не следует ехать на Французскую Ривьеру. Вы лишь поможете французам, истратив деньги во Франции.

— А ведь я и забыл об этом, — сказал он задумчиво.

Да, президент де Голль, несомненно, расстроил все планы. Английские консерваторы сердиты на него, а американцы в ярости. Но что же могут они поделать?

Я сомневаюсь, чтобы угроза английских консерваторов пойти на высшую жертву и отказаться от французского шампанского заставила президента де Голля отказаться от своего решения.

Нужно признать, что «Паразит геральдики» не блещет оперативностью. Все факты, о которых сообщает газета, уже были ранее освещены западными буржуазными изданиями. Откуда они и заимствованы Крокодилом.

**Чикагский
миллионер
принимает
гостей**

наше.

В последнее время Хью Хефнер открыл в ряде городов США ночные клубы «Плейбой» с ориентальными, остыми и солеными легкими, остыми и солеными жидкими мистер Хефнер. Он отличается богатством фантазии. В последние времена он привлекал внимание своими оригинальными вечеринками для гостей. Он принимает друзей в огромном искусственном гроте, заполненном водой. Всем гостям предоставляются купальники, женщины, ласты и прыжки.

Президентские выборы в США — это сезон, когда друг с другом из этого сезона особенно не отгораживаются.

лондон. Семидесятилетний моринганский нефтяной магнат Лео Гетти, часто живущий в Лондоне, из своих замков в Англии, Саттон Плэйс, приглашает для консультации двух известных специалистов по изданию привидений из старинных замков. Миллиардер утверждает, что попросившие оказать услугу ему незнакомые люди, а не привидения. Однако, что делать, когда встал вопрос о хозяйнике, а не о привидении в старинном замке? Обслуживающего персонала и слуг.

БЭД-ЭР (КАЛИФОРНИЯ). Известная киноактриса За-За Габбар была замечена не только своей красотой, но и талантом актрисы. Она носит по утрам, пурпурного цвета и искусственным ресницами из меха шиншиллы. **Все, кто знаком с голливудскими звездами, не могут не по-разиться ее любви к животным.**

Мистер Мату, любимый американский терьер актрисы, носит ошейник, который с двенадцати

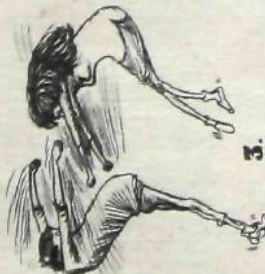
Газета «Дейли экспресс» сообщает, что проблема ночного отдыха вызывает в последнее время настояшую

ЗИНЕ ВЫ НАЙДЕТЕ НАСТОЯЩИХ МЫШЕЙ, ШКУР-
КИ КОТОРЫХ ПОЗВОЛЮНЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ КРАСКОЙ, АБСО-
ЛЮТНО БЕЗВРЕДНОЙ ДЛЯ ПИЩЕВАРЕНИЯ ЧЕТВЕРОНОГИХ.
ТАКУЮ МЫШЬ ВАШ КОТ ПОЙМАЕТ С УДОВОЛЬСТВИЕМ! ВСЕ-
ГО ТРИНАДЦАТЬ ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ ЦАРА!

сти. Газета «Нью-Йорк таймс» подводит итоги года, отмечая, что в этом году в США снижались цены на нефть, а в СССР — на газ. В последние дни года в США подешевели ценники на нефть, а в СССР — на газ. В последние дни года в США подешевели ценники на нефть, а в СССР — на газ.

сообщает, что проблема ночного отдыха вызывает в последнее время настояшую

Н О В О Е В Т А Н Ц А Х

1. Твист как таковой. Спе-

2. Холли-голлы — твист в максимальным вихлянием

жили несколько новых, удивительных, на три четверти — чарльстон, на одну четверть — з. горе — на одну четверть — иоркского зоосада, предло-

мэгэзин» опубликовал серию отличается тем, что участни-
материалами и

Индивидуальность мужские
начинается с его штанов. Если
вы хотите быть непохожим на
других, начните со своих штан-
нов!

Информация в издании Маркус Нейман

Информация с ПРЕСТИЖЕМ

Индивидуальность мужские
начинается с его штанов. Если
вы хотите быть непохожим на
других, начните со своих штан-
нов!

Информация с ПРЕСТИЖЕМ

в Далласе вы сможете купить спортивные брюки из шнурок белых нирнов.

ВСЕГО ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ паря! И сын и отец будут счастливы, надев такие брюки!

в Далласе вы сможете купить спортивные брюки из шнуров белых нйрнов.

удовольствие своему ребенку, купил ему собаку. Узнав об этом, другой тexasский нефтяной магнат решил не отставать. Поскольку он был бездетен, то купил ребенка для своей собаки.

удовольствие своему ребенку, купил ему собаку. Узнав об этом, другой тexasский нефтяной магнат решил не отставать. Поскольку он был бездетен, то купил ребенка для своей собаки.

Нефтепромышленник из Тегерана путешествовал по Франции. Ему понравились знаменитые версальские фонтаны. Он заявил, что хочет купить их.

Нефтепромышленник из Тегерана путешествовал по Франции. Ему понравились знаменитые версальские фонтаны. Он заявил, что хочет купить их.

ХОДОВЫЕ ТОВАРЫ

Лос-Анжелос. Мистер Леонард Карлсон из Лос-Анжелоса, глава торгового предприятия «Сансет Хаус дистрибутинг корпорейшн», сообщая, что доподлинно известно, что компания, производящая фирму, так с половиной миллиона долларов. Наилучшее ходящее товаров, который мистер Карлсон посылал

Мочалка в

в Нью-Йорке, в галерее Сидни Джексона, открылась выставка, посвященная творчеству знаменитого американского художника и смелостью художественных решений. В беседе с нашим корреспондентом участники выставки заявили: «Мы берем обыкновенные предметы, окружающие нас, и создавая и сочетая их, поднимая своим художественным концепциям, это глубинный комментарий, характеризующий современную жизнь и нашу цивилизацию».

Внешне «глубокие комментари» выглядят так: небольшой холодильник, дверца которого непрерывно открывается и закрывается под вой пожарной

ОТКРЫТИЕ ПРО

[illegible]

Результатом изысканий профессора Мадджи стал обширный трактат, где скрупулезно, с огромной добросовестностью прослежен рост взрослой американской кинозвезды с 1936 года по наши дни. Синьор Мадджи неопровержимо уста-

Нефтепромышленник из Та-
аса путешествовал по Фран-
ии. Ему понравились знамени-
ые версальские фонтаны. Он
явил, что хочет купить их.

ОРА МАДЖИ

новил, что средний рост ординарного Тарзана или, скажем, Джона Потрошителя составляет 1 метр 83,1 сантиметра! Вот женщины, те будут пониже — 1 метр 64,26 сантиметра.

Синьор Мадди первым в мире установил, что американские антропы за последние двадцать семь лет похудели в среднем на 34 грамма.

К сожалению, профессор в своем обилии трудов упоминал о творческих достижениях и таланте актеров американского кино. Вероятно, профессор считает, что величина бюста достаточно красноречиво говорит о мощи таланта.

— Извините, сэр, — сказал француз-переводчик, — фонты, конечно, украсили бы лужайку перед вашим домом в Далласе, но, увы, они не продаются.

— А я не дурак! Я
завать фонтаны перед домом. Я
хотел приспособить их вместо
защитных, чтобы мои дети мыли в
них ноги, перед тем как идти
в плавательный бассейн.

Примечание. Достоинство анимации, что так называемые тематические анекдоты считаются анекдотами только за пределами штата Техас. В самом Техасе они называются просто «жизнями».

Начальник и Стол

На что-то осерचा,
один большой Начальник
в запале трахнул
кулаком о Стол..
Средь мебели
известный как молчаливый
Стол крякнул и сказал:
— А ты, однако, зол!
Умерь свой гнев
и знай, дружок, отныне:
ты, слабый человек,
смешон в своей гордыне!
Услышав эту речь,
Начальник был задет.
— Со мной ли говоришь?
Меня ль назвал ты слабым —
руководителя
с таким масштабом,
пред кем дрожат,
шагнувши в кабинет?
Один мой взгляд,
одна моя печать
способны
прекратить работу
или начать!
Здесь каждый мой приказ
становится законом!

Все мне подчинены!
Что сказано — конец!..
Как ты осмелился,
дубовый ты наглец,
со мною говорить
подобным тоном?!
— С тобой согласен я,
но только не вполне, —
ответил Стол.
— Действительно,
к несчастью,
ты наделен
весьма большою властью,
но этой властью
ты обязан мне!
А без меня
в тебе какая сила:
умом тебя природа
обделила.
Ты без меня —
ничтожный воробей.
И кулаком по мне,
пожалуйста,
не бей!

Перевел с азербайджанского Вл. ЛИФШИЦ.

Бессонница

— Ваша фамилия?
— Цыбулевский.
— Имя?
— Павел.... Павел Цыбулевский.
— Профессия?
— Служащий.
— Адрес?
— Новозамецкая, 17.
— На что жалуетесь? — спросил врач,
записав ответы пациента.
— Вот уже более месяца страдаю бес-
сонницей, доктор!
— Бессонницей? А как с аппетитом? По-
кажите, пожалуйста, язык...
Язык был в порядке — красный, как ку-
сок филейной вырезки.
— Головными болями страдаете?
— Нет.
— Вообще вы когда-нибудь болели?
— Никогда.
— В котором часу ложитесь спать?
— Как правило, в десятом часу, доктор.
— Итак, значит, ложитесь спать и не мо-
жете уснуть? Вертитесь с боку на бок?
— Почему это верчусь? Сплю с десяти
вечера до шести утра. В шесть встаю, оде-
ваюсь, завтракаю, подбрасываю кроликам
свежей травки, целую деточек и еду на ра-
боту...
— Так вы спите 8 часов! — воскликнул
врач с удивлением. — Чего же вы еще хо-
тите?
— Видите ли, доктор, дело в том, что в
последнее время я никак не могу уснуть на
работе...

Ян ХУЩА (Польша)

БРАК МОЙ-

Брак — штука тонкая. Попробуйте без
споровки сделать нож, который бы ничего
не резал! Тут, дорогие сограждане, требуют-
ся опыт и артистизм.

Работает бракодел ритмично. Продукция
так и горит в его натруженных руках.
Это раньше бракодела изображали в виде
сонного гиппопотама.

Нынешний не таков. Он просится на бо-
дрое, жизнеутверждающее полотно. И боль-
ше всего в данном случае подходит группо-
вой портрет. Ну как, в самом деле, иначе
изобразить «умельцев» с московского за-
вода «Красный штамповщик»?

Тут нужно нечто монументальное, вели-
чественное, вроде «Заседания государствен-
ного совета» или «Гибели Помпеи». На зад-
нем, стало быть, плане ликующий завод-
ской бракодел № 1 с вилкой и плеватель-
ницей в руках. Бракоделы рангом пониже
теснятся на подходе. Они с завистью гля-
дят на коллегу, дающего только стопро-
центный брак.

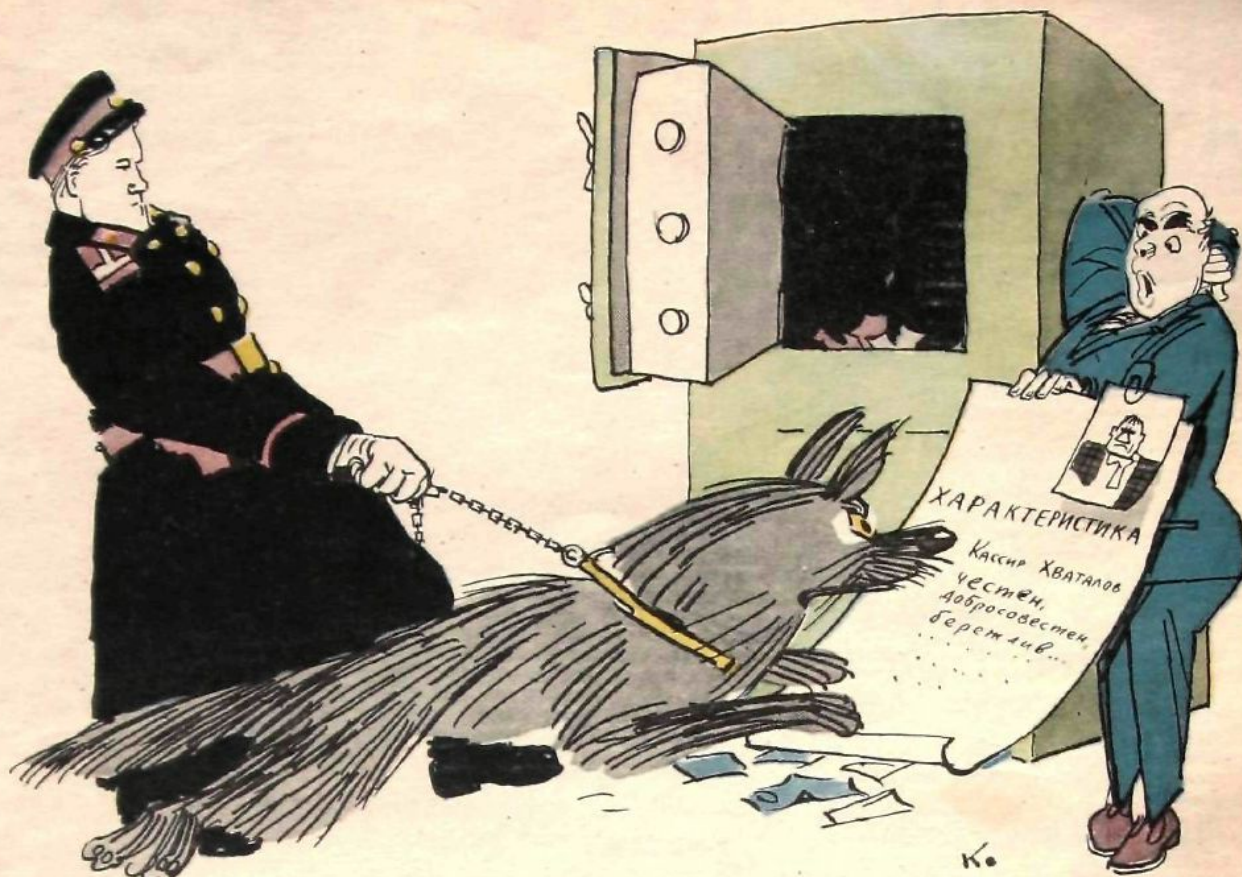
В особой рамке можно привесить к кар-
тине приказ № 113 Московского областного
управления государственной инспекции по
качеству товаров и торговли. Этот документ
запрещает торгующим организациям при-
нимать продукцию «Красного штампов-
щика».

Именно здесь, в недрах этого уникаль-
ного завода, родилась неколющая вилка,

— С праздником вас, дорогие женщины!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Ищи!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ВРАГ МОЙ

черенок которой неминуемо режет ладонь потребителя.

«Штамповщик» вырабатывает также прочую утварь — бак для воды и плавательницы. Рабочие завода чутко подошли к бесценным сосудам, обеспечивающим важнейшие нужды человека. Все эти изделия — чистой воды стопроцентный брак.

Не худо выставить для всеобщего обозрения и группу ветеранов московского предприятия «Газоаппарат». Она успешно состязается с «Красным штамповщиком». Соревнование проходит с огоньком, в обстановке большого творческого накала. На газовых плитах, выпускаемых удивительным предприятием, можно делать все: танцевать канкан, колоть грецкие орехи или играть в преферанс. Употреблять их в качестве металлолома тоже можно. И даже нужно, так как для прямой своей функции — возжигания синего пламени — они все равно не годятся.

Вместо них синим пламенем «горит» сам завод, поскольку Министерство торговли РСФСР приказало своим верноподанным товаропроизводящим точкам «прекратить приемку газовых плит».

К сожалению, Министерство торговли не успело наложить эмбарго на продукцию Нахабинской мебельной фабрики. В резуль-

тате чего фабрика получила следующее письмо от Леонида Дмитриевича Барулина, проживающего в городе Орехово-Зуеве:

«Я купил гардероб за 130 рублей. Копил деньги, отказывал себе в небольших расходах. А ваша фабрика меня в данный момент обанкротила. Что получилось?»

Я привез гардероб домой. Стали открывать — не открываются дверцы. Жена и теща взяли меня в оборот. Я начал их успокаивать, говорить, что советские рабочие не могут этого допустить, чтобы гардероб не открывался. Говорю, повремените, может быть, это он с улицы, пока холодный. Ночь простоял — открылся. А закрыть — опять не закроешь!

Прошу вас, помогите мне. Это я обращаюсь не к руководству, а к рабочему человеку Нахабинской фабрики. Дорожите вашей маркой!»

Ну, а что же бракоделы с Нахабинской фабрики? Они стараются, работают буквально в поте лица своего.

Перед нами отделочник Сергей Николаевич Орлов. Он охотно делится опытом.

— Видите этот шуруп? — говорит Сергей Николаевич. — Если его отверткой, — это сколько времени уйдет! А я вбиваю молотком. Только нужно сильнее вдарить. Я борец за темпы!

— А вот я, — радостно улыбаясь, перебивает коллегу Виктор Александрович Щеглов, — беру стружку сразу в три миллиметра. Так оно способней, быстрее. Вообще-то по технологии полагается один миллиметр с половиной. Так ведь это какая потеря темпа. А темп — это главное! Я тоже борец!

Своими соображениями по ухудшению качества любезно делится и Дмитрий Алексеевич Балкин. Это пожилой мужчина.

— Трудно, конечно, — с горечью восклицает Дмитрий Алексеевич, — угнаться за

молодыми! И возраст не тот и здоровьишко. Но и я стараюсь. В молодые-то годы я не менее 50—70 процентов брака давал! А сейчас плох стал, тяжелее поспевать. Но и я свой секрет знаю. Там, где молодой-зеленый просто фуганет рубанком, я шлифовку средней двери веду поперек волокон. Вот и брачок!

Едва мы успели сделать последний эскизный мазок, как нам строго сказали: а где же портреты руководителей фабрики?

Увы, портрет директора товарища В. П. Иванова экспонировать никак невозможно. Мы его в глаза не видали: он учился в вечернем техникуме и на фабрике бывает редко. А за что, собственно, жечь сатирическим глаголом главного инженера Ивана Евстифиевича Емелина? Ведь он выступает, как господь бог, в трех ипостасях: в качестве директора, заместителя и самого себя. Единственное, что он может сделать, — это, улучив минутку, прибежать в цех и кинуться перед первым попавшимся бракоделом на колени.

— Голубчик! Умоляю, не делай брака!

— Не могу, — истово отвечает «голубчик», — стезя у меня такая...

Да, стезя у него действительно такая. Денежная. Он идет по ней уверенно и быстро.

У нас много и со вкусом ругают за брак директоров и инженеров. Правильно, конечно, ругают. Но при этом забывают о прямых творцах брака.

А бракодел — человек бесстрашный и лихой. Он ничего не боится. Его за брак не судят. Ему за брак платят.

Эх, нагнать бы на него страху, повесить бы в каждом цехе сатирическую портретную галерею и назвать ее так: «Брак мой — враг мой!» Потому что платить народные деньги врагам производства ни почем не следует!

Вл. МИТИН

В ГЛУБИНАХ ПОДСОЗНАНИЯ

В штаб отряда добровольной народной дружины при Дворце культуры Горьковского автозавода ввели человека. Так его можно было назвать лишь с большой натяжкой, ибо по отношению к нему это слово не звучало сованы.

Движения ног и туловища были у него явно не согласованы.

— Так, так, — сказал, потирая руки, дружинник, дежурный по штабу. — Давайте-ка его сюда. Сейчас мы его обработаем. Записав по документам основные данные о пьяном, дежурный уселся поудобнее и приступил к опросу:

— Где и как вы провели сегодняшний вечер, задержанный? Верзила икнул и многозначительно промолчал.

— Понятно, — сказал дежурный. — Тогда, может, скажете, участвуете ли вы в художественной самодеятельности?

Пьяный с подозрением взглянул на дружинника и отрицательно мотнул головой.

— А в какой библиотеке записаны? Какой театр вам больше нравится? Что видели в театре в последний раз?

— «Красную Шапочку», — ответил верзила и всхлипнул. — Когда был маленьким.

— Да, давненько, — вздохнул дежурный. — А занимаетесь ли вы общественной работой? Если нет, то почему?

Задержанный потупился и застенчиво произнес:

— Не возлек... ик... ли...

— Ну ничего, не расстраивайтесь, — сказал дежурный. — Расскажите лучше, участвуете ли вы в движении за коммунистический труд?

Верзила изумленно вытаращил глаза, потом щелкнул себя пальцем по шее и заговорщически спросил:

— Ты что, тоже того?..

— Мы еще вернемся к этому вопросу, — находчиво сказал дружинник. — Идем дальше. Какое ваше самое любимое занятие после работы?

Пьяный ухмыльнулся и лукаво подмигнул дежурному.

— Вы, задержанный, эти штучки бросьте! — сказал тот строго. — Отвечайте по существу. Что предпочитаете делать вечером: вырезать по дереву или лепить из пластилина?

— Чего-о-о? — угрожающе сказал верзила. — Ты мне тут дела не лепи. А то к-а-ак дам!..

Истины ради нужно сказать, что эмоции пьяного были направлены не по адресу. Вопросы, которые его рассердили, придумал не дружинник, а редакция горьковской газеты «Ленинская смена».

Это здешние психологи-любители, обуреваемые неуемным желанием проникнуть в глубины пьяного подсознания, сочинили и «спустили» дружинникам анкету.

Этот потрясающей силы документ, отпечатанный в типографии тысячным тиражом, видимо, по замыслу его авторов, способен нанести непоправимый урон нестройным рядам пьяниц, хулиганов и прочих тунеядцев. И уж прямо наизнанку должен вывернуть все заблудшие души «гвоздь» анкеты — пункт II, который мы просто обязаны привести полностью:

«Что больше предпочитаете (после работы) — театр, концерты, кино, ресторан, вечеринки у друзей, гулянье по улицам и паркам, выпивание, вышивание, игра в карты (подчеркнуть)».

Нам заочно трудно установить результаты этого уникального референдума. Возможно, что первое место среди охваченных анкетой мелких хулиганов заняли страстные любители выпивания.

А может быть, наоборот: вперед вырвался мощный отряд рукодельщиков.

Как бы то ни было, но незаурядная инициатива «Ленинской смен», несомненно, заслуживает популярности. Вот почему мы и решили рассказать о ней читателям.

Я. ДЫМСКОЙ

ВОКРУГ МИМОЗЫ

Март смотрит в купол голубой.
Отхлынули морозы...
Повсюду солнечной крупой
в руках мужчин мимозы,
Порой достать их тяжело,
цветы берутся с бою,
когда приблизится число
заветное —

восемь.
...Осталась вetchочка одна
(нет нового привоза),
не очень пышная она,
но все-таки мимоза.
К ней тянется десяток рук.
И кандай молит слезно.
Идет дискуссия вокруг,
кому нужней мимоза.
— Прошу вас,

уступите мне.
Я был в командировке,
вот прямо с поезда —
и жене...

В ответ:

— Какой вы ловкий!
Меня невеста идет в такси,
на свадьбу едем с нею...
На это что-то пробасил:
— Мимоза мне нужнее.

Поймите,
милый человек,
как с верною подругой,
живу почти уж целый век
я со своей старухой...
Вконец растерян продавец:
для спора

Понятен пыл мужских сердец,
у каждого свой довод.
И все влюбленные права,
и не решить вопроса...
А не подскажите ли вы:
кому нужней мимоза?

Л. КУКСО

МАГАЗИН БЕЗ ПРОДАВЦА

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Что я еще забыл сделать ко дню 8 Марта?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Говорят, есть любители сильных ощущений. Очень им нравятся всякие неожиданности. Если, дорогой Крокодил, тебе встретятся такие чудачки, направляй их напрямик к нам, на станцию Угольная Дальневосточной железной дороги. Тут их такие ощущения ожидают — закачаешься!

Если наша баня будет открыта (что случается нечасто), мы тут же и препроводим любителей сильных ощущений попариться. А все остальное обеспечит банный директор тов. Памазан.

Вот вы подходите с шайкой к крану, чтобы набрать кипятку. Кипяток течет, свет горит, все в порядке. И вдруг — хлоп! — свет погас, вода хлещет ледяная, а вас в этот миг — бац! — ударяет током. Это от крана. Он у них как-то там хитроумно подключен к электропроводке.

Конечно, в крошечной тьме возникают крики и разногласия. Кто-то сел по ошибке в чью-то шайку. Кто-то кому-то сослепу намылл шею. Кто-то кого-то невзначай шархнул венником. И так далее.

Наверно, для любителей острых ощущений лучше ничего не придумаешь. Так что милости просим!

А нам-то эти банные аттракционы давно уже порядком надоели.

С. ГЕРАСИМОВ

ст. Угольная.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

10 октября 1962 года — самый черный день в моей жизни. В этот день я обзавелся телевизором «Рекорд», выпущенным Александровским радиозаводом.

Ни в этот, ни в последующие дни телевизор не работал. Я вызвал мастера из нашего кинешемского ателье.

— Надо сменить антенну, — сказал мастер.

Сменили. Телевизор не дрогнул.

— Поставьте другой кинескоп, — снова посоветовал мастер.

Поставили. Телевизор по-прежнему упорствовал.

Убедившись, что изображение скорее появится в печной духовке, чем на экране этого чудовища, я снова обратился в ателье.

— Одна из ламп не годится! — изрек мастер.

Это был пустяк. Я уж думал, что победа недалека. Поставили новую лампу. Включили. И...

Правда, на экране ровным счетом ничего не изменилось. Зато внутри злобешей машины вспыхнуло самое настоящее пламя. Пожар!

Огонь бушевал. Он грозил перекинуться на деревянную стенку. И тут я отважно схватил горящий телевизор, поставил его на пол, сорвал заднюю стенку и плеснул в утробу моего мучителя ведро воды.

В ателье, куда я снова прибыл с телевизором в обнимку, мне любезно сообщили, что пожар произошел из-за короткого замыкания, а оно, в свою очередь, явилось следствием слабой изоляции проводов и плохой сборки узлов. Отправить телевизор на завод для обмена отказались.

— Обмен возможен только после двукратного ремонта, — пояснили мне. — Вот ежели он снова загорится, тогда другое дело... Только вы в следующий раз водой не тушите, а накройте одеялом и ждите, пока огонь сам не погаснет.

Вот я и жду, пока эта скотина снова загорится.

А пока что хочу дать совет тем, кому взбрет в голову приобрести, подобно мне, надомное стихийное бедствие:

— Товарищи! Покупая александровский «Рекорд», заодно приобретите и огнетушитель. Оно спокойнее...

А. ГОРСКИЙ

г. Кинешма.

Памяти друга

Тяжная утрата постигла советскую сатиру. Ушел из жизни Эмиль Яковлевич Кроткий...

Свыше пятидесяти лет проработал в литературе этот превосходный мастер. В 1911 году появились в одесской периодической печати его первые произведения. Замеченный и облаканный великим собирателем прогрессивных сил русской литературы Алексеем Максимовичем Горьким, Эмиль Кроткий (Эммануил Герман) стал сотрудником горьковского журнала «Летопись». Одновременно его сатирические стихи стали появляться в «Сатириконе».

Восторженно встретил Эмиль Яковлевич Октябрьскую социалистическую революцию. Ее пафос, ее великую созидательную силу воспел он в книгах лирических стихов: «Располненный полюс», «Скифский берег», «Стихи о Москве» — и в поэме «Разговор с Вильсоном».

Но самую широкую популярность приобрела его работа в области сатиры и юмора. Почти вся она связана с журналом «Крокодил». Три десятилетия сотрудничал Эмиль Кроткий в «Крокодиле», и поистине нет счета сатирическим и юмористическим стихам, миниатюрам, эпиграммам, прозаическим заметкам и афоризмам поэта, напечатанным в журнале.

Тонкий и острый ум, широкий охват тем, точный удар, владение всеми видами и оттенками искусства смеха, мастерство, формы отличают произведения Эмиля Кроткого. Многие из них («Маян Лесное», «Монтигомо — лакированный коготь», «Случай с начиняющим», «Наш спутник») представляют собой удивительное сочетание нежного лиризма с гневным пафосом обличения. Нежный лиризм писателя обращен к советскому человеку, творцу и наследнику всего прекрасного в мире; пафос обличения — ко всему отсталому, гнилому, вредному, что еще сохранилось в нашей жизни от прошлого.

Эмиль Кроткий часто выступал перед читателями. Широкий отклик получали в многочисленных аудиториях его стихотворные миниатюры, басни и эпиграммы — веселые, ярые, запоминающиеся, поучительные. Особый успех всегда выпадал на долю его «Отрывков из ненаписанного» — прозаических афоризмов и сентенций. В этом труднейшем жанре Эмиль Кроткий был необычайно силен, по праву заслужив звание наилучшего в нашей литературе продолжателя Козьмы Пруткина. «Отрывки из ненаписанного» являются подлинной академией остроумия.

Многие сатирические и юмористические произведения поэта включены в изданные библиотечкой «Крокодила» книги «Портрет и зеркало» и «Сатирик в космосе». Но творческое наследие Кроткого намного богаче, и оно должно стать достоянием читателей. Сегодня мы публикуем стихотворения, которые Эмиль Кроткий написал незадолго до смерти.

Советская сатира потеряла одного из самых ярких своих мастеров, а советские сатирики и все литераторы — замечательного товарища, чистой и ярой души человека, великодушного собеседника, остроумца, дорогого друга и советчика.

Творчество Эмиля Яковлевича Кроткого входит в золотой фонд советской сатирической литературы. К нему, Эмилю Кроткому, целиком относится один из созданных им афоризмов, который с любовью и уважением произносим и мы, работники литературы, и советские читатели:

— Золотых слов мастер...

НАЧЕТЧИКУ

В самодовольстве, как в мундире,
Литературный бюрократ,
Ты много лет грозил сатире
Чужою мудростью цитат.
Враждебен шутики фейерверку,
Бывало, цедишь свысока:
«А Маркс (пятнадцатая сверху
Иль снизу пятая строка)...»
Ты тратил блеск чужих жемчужин!
Но не расхотел зря чернил:
Великий Маркс был с Гейне дружен,
Его иронию ценил.
И, с ироническим поэтом
Полемизировать любя,
Не «уличал» его при этом
И... не цитировал себя!

АЗБУКА

Мало гласных в азбуке.
С ними неразлучные,
К гласным льнут согласные,
Тихие, беззвучные,
С гласными якшаются,
С каждой соглашаются.
А со всем согласные —
Самые опасные!

АВТОРИТЕТ

Человек весьма заметный,
Человек авторитетный,
Он в течение долгих лет
Подводил под глупость базу —
Он не зря, не вдруг, не сразу
Приобрел авторитет.

Сорок лет без передышки
Он писал плохие книжки
(Срок, ей-богу же, не мал), —
Числясь в «знающих» де-юре,
Сорок лет в литературе
Ничего не понимал.

И теперь мы твердо знаем:
Он мастит и уважаем.
Легкой лысины просвет,
Замеченный полнолунием,
Стал, как нимб.

Давайте плюнем

На его авторитет!

НОВЫЙ ЖАНР

Он, хваля начальство высшее,
Сочинил... четверольстишие.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

За окном зима сверкает
Тыщей люстр — и в каждой призме
(Видно, солнце расколослось!)
Ходит радугую луч.
Мрачный лектор утопает
В безысходном «оптимизме»,
Несрывающийся голос
Усыпительно тягуч.

А на улице мальчишки
Веселятся до упада...
Не пугайтесь софизма:
Я, пожалуй, удеру
Для короткой передышки
От «бодрящего» доклада —
Отдохнуть от «оптимизма»,
Освежиться на ветру.

ПО ТУ СТОРОНУ
СТОЛА

Целый час мы ждали, когда председатель завкома соизволит нас принять. Миша Якушев сказал:

— Я бы на таких бюрократах капканы ставил, отлавливал бы их группами и в одиночку и выделывал из них модные манто.

— Круглогодовой отстрел без всяких ограничений,— согласился я.

Хороший парень Миша Якушев. Вчера мы с ним брали отгул и прекрасно половили окуней на Черноисточинском озере.

— Какое дело этой ондатре,— продолжал Миша,— до того, что ты потерял целый час из-за какого-то килограмма краски для катера нашей лодочной станции! Помани мое слово, он еще к формулировкам твоего заявления начнет придирается, прищурит глаза, станет жаловаться на занятость, на головную боль...

— Послушайте, девушка,— сказал Миша, обращаясь к секретарше,— когда прекратится это издевательство? Меня ждет любимый станок.

— Приема, наверное, не будет,— ответила она.— Где вам, рыболовам, знать, что вчера на конференции выбрали нового председателя завкома!

— Кого выбрали? — мрачно спросил Мишка.

— Якушева Михаила Михайловича.

— Кого? — переспросил я, ибо Миша временно не мог поддерживать разговора.

В это время из кабинета вышел бывший председатель Александр Александрович Южаков (в прошлом — Саша из механического) и сказал:

— Михаил Михайлович, прошу вас. Заходите. Принимайте дела. Будете хозяином.

Оба председателя — экс и настоящий — скрылись в кабинете. Только через час Саша Южаков вышел из кабинета и бодрым шагом направился к выходу. Это его теперь, после годичного перерыва, с нетерпением ждал любимый станок.

— Михаил Михайлович сегодня не будут принимать,— пропела у меня над ухом секретарша.

Несмотря на отчаянное сопротивление секретарши, к Мише я все-таки пробился.

...Моему взору открылся обетованный кабинет. За столом исполнских габаритов сидел некто и смотрел на меня полуприкрытыми глазами.

— Что у вас? — спросил он и устало поморщился.

— Мне бы визу и печать, Михаил Михайлович.

Я протянул заявление через стол. Он взял его и стал читать, глядя как-то сбоку.

— Килограмм краски, говоришь? Для чего?.. А! Для катера. Почему заявление на клочке написал? Это, конечно, форма. Но форма всегда неразрывно связана с содержанием. И потом, разве так пишут: «Прошу выделить для окраски...»? Просьбу надо как-то обосновать: «В соответствии с сигналами рыболовно-спортивной общественности в части покрытия...» И действительно килограмм надо? Может быть, хватит триста граммов? Ты лично проверял?

— Мы вдвоем вчера лично проверяли,— ответил я.— С Мишкой Якушевым.

Председатель завкома закурил и потер рукой лоб, как это делают при начинающейся мигрени. При чем было совершенно ясно, что невосполнимую утрату здоровья он понес в неуспешном бдении об общественных нуждах.

— Хватит триста граммов,— сказал он.— Меня не обманешь! Знаем мы этих рыбаков!

Я встал и молча пошел из кабинета.

— Куда ты, Вася? — услышал я вопрос.

— На охоту,— ответил я.— За ондатрой!..

— Переходим к восьмьдесят девятому вопросу повестки дня: о форточке. Как решим?

— Открыть!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

г. Свердловск.

ТРЕВОГА НА СПИРТОЗАВОДЕ

На Тукумском спиртозаводе Латвийской ССР наступило тревожное утро. Между зданием сновали люди, увешанные огнестрельным оружием. В тушке несколько человек изучали приемы стрельбы по движущейся мишени. Группа слесарей пыталась отремонтировать средневековую мортиру, найденную в окрестностях. Всеми военными приготовлениями руководил директор завода тов. Конапков. Вот он поднялся на крыльцо конторы. В ту же минуту сторож забарабанил черенком лопаты по старому ведру. По этому сигналу все собралось на площадь перед конторой.

Директор взял из рук секретарши лист бумаги. Толпа замерла.

— Приказ № 146, — объявил тов. Конапков. — «В последнее время на заводе развелось бесчестное количество диких голубей, которые, как голодные коршуны, набрасываются на автомашины, прибывающие с зерном, кукурузу и проникают в склады.

Можем ли мы, коллектив завода, быть простыми наблюдателями, как голуби поедают зерно, не принося никакой пользы людям?»

При этих словах директор суровым взглядом обвел рабочих и служащих, которым оружие придавало вполне разбойничий вид.

— Не можем! — в едином порыве загремела площадь.

Директор удовлетворенно откашлялся и продолжал:

— «Наш долг заключается в том, чтобы вести решительную борьбу с дикими голубями всеми нашими силами и возможностями. В борьбу за уничтожение голубей на заводе должен включиться каждый член коллектива завода.

На основании вышеизложенного приказываю: Провести на заводе решительную борьбу за полное уничтожение диких голубей, для чего обязать зав. складом Гравовского поднимать в воздух голубей и уничтожать их в воздухе, используя для этого охотничьи ружья и мелнокалиберные винтовки».

О мортуре директор не сказал ничего. Ее, к сожалению, не удалось отремонтировать.

Через несколько минут от залпов задребезжали стекла. Операция началась...

Хотя редкая пуля летела мимо цели, птиц не становилось меньше. На смену погибшим стаям появлялись новые. Бесстрашие голубей не удивительно. На территории завода в беспорядке рассыпаны горы кукурузы. Если ее убрать в укрытие, отпадет надобность и в противоголубиной обороне.

Н. МОНаХОВ

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

НЕСМЕШНАЯ ИСТОРИЯ

Девочка Клара росла без

Еще, мол, успеем, пока не горит.

Отец — на работу, мать — на

А дочка что хочет, то и творит.

И Карл по соседству рос без

Надобно думать, и тут не горит.

Мать — на работу, отец — на

А мальчик что хочет, то и творит.

Годы промчались. Ни много, ни

Стукнуло им по четырнадцать лет,

И ...Карл у Клары украл кораллы,

А Клара у Карла украла кларнет.

В. БАБИЧКОВ

АЛЬПИНИСТ

Он стать альпинистом мечтал с юных лет.

Подросток... и забрался на папин хребет.

Н. МАРКОВ

— Держи, женушка! Поднесешь супруге моего начальника.

Рисунок Б. САВКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ОГНЕОПАСНОЕ НАПОМИНАНИЕ

С некоторых пор в одном поселке участились случаи неосторожного обращения с огнем. Пожарная инспекция провела обследование. Выяснилось, что все жители пользуются спичками производства томской фабрики «Сибирь».

Человек чиркает спичкой, и вдруг ему бросается в глаза этикетка на коробке: она изображает паспорт.

Бросив спичку, он хватается шкатулку с документами и лихорадочно ищет паспорт. Не вывел ли в паспорте штамп прописки? Не пора ли менять книжицу? Тем временем зажженная спичка делает свое дело.

Только детей до 16 лет этикетка не приводит в замешательство.

Н. М.

«На Ваш № 1279 относительно жалобы тов. Мазинченко отвечаем, что на основании того, что нет конкретных указанных лиц, я не могу принять меры, но мы вместе с местным комитетом провели общее собрание с официантами и разработали это письмо: где факты не подтвердились, а их можно было установить, так как в то время когда он находился в р-не у нас находилась старшая официантка и бригадир зала, они тоже невкурсе этого дела».

(Из ответа директора ресторана в редакцию газеты «Приазовский рабочий».)

Прислал Н. АЛЕКСАНДРОВ.

г. Жданов.

«Для участия в физкультурном параде родители вместе с коллективом школы создали фон из шестидесяти учащихся с цветами и желтой формой, что потребовало не малого труда».

(Из отчета директора школы.)

Сообщил А. ЧЕРНОВ.

Москва.

«Меня, работника мясного прилавка, вновь открытого в кооперативном магазине, директор тов. Пухов Д. С., полный достоинства от занимаемого столь высокого ответственного поста и умудренный многолетним жизненным опытом, отправил с партией гусятины на экспертизу, но не объяснил, с какой стороны я должен поддыхать к санитарному врачу».

(Из заявления.)

«Я, человек морально чистый, не дозволю, чтобы кто-либо брезгал

мною при исполнении служебных обязанностей».

(Из письма.)

Собрала Н. СЕРЕБРЕННИКОВА.

Москва.

«Штаб работников нашего сельского стационара питается только от двигателя собственной электростанции».

(Из письма в редакцию.)

Выписала Н. КУДРЯВЦЕВА.

«Астапова щеткой в известке ударила тов. Сеникина по лицу, притом абсолютно безвинно. Сеникин не перенес этого аморального обезличивания личности и выпущен был переехать на другую квартиру».

(Из жалобы.)

Прислал Э. ЭЛЬБЕРДОВ.

г. Нальчик.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00033. Изд. № 163. Подписано к печати 19/II 1963 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 489. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Я смотрю, в Лондоне носят то же, что и у нас в Вашингтоне!

Рисунок Е. ШУКАЕВА